

УДК 94 (571.16). 06:323.328

А.А. Чурсина

ПОТОМКИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ КУПЕЧЕСТВА г. ТОМСКА В XVIII в.

Рассматриваются формирование купеческого сословия и роль потомков служилых людей в этом процессе. Определяются основные способы попадания потомков служилых людей в купцы первой, второй и третьей гильдии. На конкретных примерах прослеживается восходящая и нисходящая сословная мобильность купцов, анализируется влияние горно-заводских работ на занятия предпринимательством. Генеалогическая реконструкция дает возможность проследить происхождение представителей гильдейского купечества от служилых людей, выявить преемственность в экономической деятельности и жизненном укладе.

Ключевые слова: служилые люди, купечество, предпринимательство, генеалогия, сословная мобильность.

Спецификой Томска можно считать малочисленность местного посадского населения в начале XVIII в. По данным Переписной книги дворов 1705 г., число посадских людей в Томске едва достигало 5%. Одновременно на страницах таможенных документов увеличилось число людей, не причисленных к существующим социальным градациям. Это напрямую связано с сокращением гарнизонов сибирских городов по мере стабилизации военно-политической обстановки. Так, многочисленные члены семей служилых уже не находили места в рядах привилегированного сословия, но и не стремились пополнять ряды иных сословных групп [1. С. 17–18].

После подушной переписи посадского населения 1723 г. и указа о государственных крестьянах от 26 июня 1724 г. городское население заметно увеличилось. К посадским людям в городе добавились разночинцы, которые образовались, прежде всего, из числа служилых людей и их потомков. Кроме того, в городе проживали приказные служители, служилые люди, ямщики. В 1744 г. посадских людей в Томске насчитывалось 2232 д.м.п., разночинцев – 2253 д.м.п., всего окладных душ 4485 д.м.п., т.е. около 79% от общего числа горожан [2. С. 59].

В 60-е гг. XVIII в. социальный состав томского посада выглядел следующим образом: общее количество посадских в купечестве насчитывало 2804 д.м.п., из них в I гильдии 400, во II – 511 и III – 1893. В.П. Бойко отмечает, что до губернской реформы 1775 г. и повышения имущественного ценза при вступлении в купечество практически отсутствовало налоговое обложение купцов, и в гильдии, особенно низшие, записывалось большинство городского населения [3. С. 19].

О.Н. Вилков считает, что в данной ситуации термин «купечество» приобрел второй смысл и

стал идентичен термину «посадские». На практике, на протяжении 1720–1770-х гг. посадские люди, названные купцами, делились по имущественному признаку (по тяглам и промыслам) на три статьи или гильдии, между которыми не было существенных различий сословного характера [4. С. 56].

Манифестом 17 марта 1775 г. население городов было разделено на две части – мещанство и купечество. Дальнейшее развитие эта мера получила в указе от 25 мая 1775 г., по которому купцы всех гильдий освобождались от подушной подати. Вместо нее вводился налог в 1% с объявленного «по совести» капитала. По размеру этого капитала определялась принадлежность купца к гильдии, а также предоставление прав и льгот при торгово-промышленной деятельности. В апреле 1785 г. правительство Екатерины II издает «Жалованную грамоту городам», по которой были внесены дополнения и уточнения в сословное положение купцов, четко регламентировались права и обязанности представителей разных гильдий. Минимальный размер капиталов с этого времени был следующим: по первой гильдии остался в прежних размерах – 10 тыс. руб., по второй увеличился в 5 раз и достигал 5 тыс. руб., по третьей гильдии увеличился вдвое и равнялся 1 тыс. руб. [5. С. 368–369].

В.Н. Разгон пришел к выводу, что основными источниками формирования сибирского купечества стали представители нескольких социальных групп: мигрировавшие из европейской части страны посадские, а также выходцы из негородских сословий и социальных групп – крестьяне, отставные военно-служилые и их дети, отставные церковнослужители и поповские дети, а после гильдейской реформы 1775 г. основным источником пополнения купечества стало мещанство [6. С. 68].

Значительная часть бывших служилых людей записывалась в купечество через промежуточное пребывание в разночинцах. После проведения III ревизии эта межсословная категория была упразднена, при этом большая часть бывших разночинцев была переведена на пашню, а остальные поступили в другие сословия, в том числе и в купечество. 13 сентября 1759 г. Сибирская губернская канцелярия сообщила в Барнаул о передаче в заводское ведомство в Томском и Кузнецком уездах 17 877 мужских душ крестьян и разночинцев. Новая приписка значительно увеличила число приписанных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян.

По данным ближайшей III ревизии 1763 г., в заводском ведомстве было учтено 40082 ревизские души, в том числе 38035 д.м.п. приписных (заводских крестьян). В числе новых приписных оказались, таким образом, потомки первых пашенных и оброчных крестьян Томского и Кузнецкого уездов, потомки служилых людей, отставных казаков, казачьих детей и прочих, вошедших в категорию разночинцев. Попали в число приписных крестьян некоторые окрестывавшиеся потомки детей боярских и дворян [7. С. 211, 213]. Таким образом, в состав заводских крестьян вошли те потомки служилых людей, которые составили группу разночинцев, а приписанные к посаду остались за пределами горно-заводского ведомства, имея в будущем больше возможности для участия в торговой и купеческой деятельности.

На основании городских обывательских книг г. Томска конца XVIII – начала XIX в. стало возможным «дать достаточно целостное представление о составе томского купечества в изучаемый период». В 80-е гг. XVIII в. в купечестве Томска по всем трем гильдиям числилось 69 купцов. Среди них 26 происходили из местной купеческой среды (38%), 3 были из приезжих купцов (4,5%), 32 человека имели крестьянское происхождение, 3 купца происходили из отставных казаков (4,5%), 2 были из приезжих «бухарцев», по одному купцу в Томске представили городские обыватели (мещане), дворяне и низшее духовенство – отставной дьяк [3. С. 22, 31].

Удалось установить два варианта формирования купечества из числа потомков служилых людей. В первом случае служилый человек или его дети записывались в первой четверти XVIII в. в посад, а затем, накопив достаточный капитал, поступали в купеческое сословие (таким образом преимущественно формировалось купечество I и II гильдий).

По данным «Томской городской обывательской книги за 1786–1788 гг.», в купцах первой

гильдии состоял Петр Федоров Шумилов, во второй – Иван Васильев Губинский, Афанасий Иванов Даниловский, Григорий Семенов Зеленцов, Михаил Алексеев Мыльников, Матвей Федоров Шумилов. Указывалось, что все они произошли из «местной купеческой среды» за исключением А.И. Даниловского, прибывшего в Томск в 1772 г. из г. Шуи, и Г.С. Зеленцова, происходившего из крестьян г. Яринска и перебравшегося на жительство в Томск в 1780 г. Генеалогические данные, которые содержатся в исповедных росписях 1742 и 1760 гг. по г. Томску, позволяют проследить происхождение этих купцов от служилых людей XVII в. через промежуточную стадию разночинцев и посадских [8. С. 235–238].

Второй вариант предполагал вхождение служилого человека или его потомка в сословие разночинцев, затем – томских заводских крестьян, а потом поступление в купечество. На купцах, вышедших из заводских крестьян, лежали обязанности по уплате подушной подати и выполнению ряда повинностей, помимо процентов с купеческого капитала. Конкретные примеры показывают, что заводские крестьяне, вступившие в купцы в начале 80-х гг. XVIII в., после повышения размеров купеческих капиталов возвращались в свое прежнее состояние и продолжали нести заводские повинности в полном объеме. Только после 1797 г. томские заводские крестьяне были освобождены от работ на заводах Колывано-Воскресенского горного округа и занимались торгами и промыслами.

Любопытна судьба потомков конного казака Василия Трифонова Тузикова, чей отец был прислан в Томск из Галича «ставить город, а в котором году и при каком воеводе – того не упомянул». Сыновья Василия Василий и Данил несли службу в конных казаках. Известно, что Данил в 1742 г. числился в отставных казаках, а в 1760 г. состоял в посадских. В конце XVIII в. его старший сын Алексей, посвятивший драгунской службе 30 лет, был причислен к мещанам, будучи «бездомовным и не имея семейства», занимался «выделыванием скотских кож».

Больше повезло Дмитрию Даниловичу Тузинову, который поступил в 1777 г. в купцы из мещан и до 1800 г. состоял в III гильдии с капиталом 550 р., затем в той же гильдии с капиталом 1 000 руб. (1788 г.) и 2 000 руб. (1800 г.). Дмитрий Тузиков закупал товары на Ирбитской ярмарке, а также торговал с киргизами через Семипалатинск. Был одно время на выборных должностях при продаже вина, соли и других товаров в Томске и других населенных пунктах. В 1780 г. в купцах III

гильдии состоял еще один сын Данила – Андрей, а в 1786 г. Иван Андреев Тузиков принадлежал к бескапитальным посадским, имея «промысел перекупной и перепродажи товаров за чужие деньги». В 1800 г. он же зарабатывал на жизнь, «довольствуясь от разных услуг».

Еще два сына Данила, Василий и Прокопий, а также внук умершего сына Федора, Иван, в 1786 г. состояли в цеховых ремесленниках: Иван Федоров – в цехе кузнечного ремесла, а Василий и Прокопий Тузиковы – в цехе выделывания кож для конной упряжи, в 1800 г. – в цехе сыромятного и скорняжного мастерства. Удалось проследить судьбу внука Василия Васильева Тузикова Якова, причисленного в 1786 г. к бескапитальным посадским и зарабатывавшего пропитание «от делания лосиных и оленьих кож». Таким образом, в основном потомки Василия Трифонова Тузикова связали свою хозяйственную деятельность с кожевенным производством [9. Л. 110об; 10. Л. 85; 11. Л. 10; 12. Л. 3об., 5; 13. Л. 33; 14. Л. 6; 15. Л. 337, 357об., 368, 468об., 515; 16. Л. 190об., 267–267об., 457].

Из посадских поступил в 1775 г. в купцы III гильдии с капиталом в 550 руб. потомок неверстанного сына боярского Михаила Семенович Ржицкого Матвей с братом Екимом. Михаил Семенович являлся правнуком Ивана Ржицкого, который прибыл в Томск «по государевой грамоте» в середине XVII в. из Литвы, в 1680 г. службу в детях боярских нес его сын Матвей. На момент составления разборного списка у него было 4 сына: Осип, Иван, Семен, Алексей. В начале XVIII в. в детях боярских значился только Осип, проживавший в д. Попадейкиной, остальные были неверстанными детьми боярскими. В 1786 г. капитал Михаила Семеновича по III гильдии составил 1200 руб., но в дальнейшем произошли непредвиденные события: в январе 1788 г. было из дома и из «кладового амбара покрадено имущества неизвестными людьми», в связи с чем Матвей Михайлович Ржицкий «уже всего объявленного капитала у себя не имел», поэтому не мог оставаться в гильдии и просил его с сыном из купцов исключить и «причислить по-прежнему в мещанство». Его братья Михаил и Иван в 1786 г. относились к бескапитальным посадским и имели «промысел от найма у разных купцов». В 1800 г. Федор Иванов также состоял в бескапитальных посадских и зарабатывал на жизнь домовыми работами. Михаил Екимов Ржицкий в это же время «довольствовался от разных услуг» [9. Л. 37; 10. Л. 26; 11. Л. 84; 12. Л. 5об.; 14. Л. 2; 15. Л. 334об., 511; 16. Л. 431].

Купцы III гильдии, вошедшие в нее из заводских крестьян, также являлись в большинстве

своим потомками служилых людей. Так, Барковский Федор Афанасьевич поступил в купечество из заводских крестьян и состоял в купцах III гильдии с 1781 по 1800 г. В 1760 г. он значился в разnochинцах прихода Богоявленской церкви, а его отец Афанасий Стефанов был сыном боярским. Дед же, Стефан Борковский, в 1680 г. сообщал о себе, что родом он из Польши, был взят в плен «на бою», сослан в Тобольск. По размену отказался возвращаться на родину, «в свою землю не пошел», подал челобитную, чтобы отправиться служить в Томск, «был верстан на Москве, оклад учинен денег 14 рублей, хлеба 12 чет ржи овса то ж, 3 пуда соли». Об это свидетельствует более ранний документ, согласно которому взятые в плен «полские и литовские люди ... били челом на вечную службу ... хто в какую пригодитца». Степан Петров сын Борковский был отправлен в Томской, «государева жалованья дано в Розряде на 2 месяца по 10 денег на день человеку».

В 1786 г. Федор Афанасьевич объявил за собой капитал 1 020 руб. Имел в Томске деревянный дом и торговую лавку, «занимался по городу и уезду торговлей мелочными товарами», а также перевозкой грузов водным путем. Одно время он был опекуном над имением покойного томского купца Василия Колмогорова. Однако «по усмотренной в нем при той опеке неспособности» был отстранен от опекуинства. В 1776 г. избирался «сборщиком подушной подати». Жена – Федосья Гавриловна Черноярова (р. 1732), дочь заводского крестьянина. Дети: Федор, Иван (1767–1832), Акулина (р. 1769). После смерти отца братья Федор и Иван продолжали совместно вести дела. В 1815 г. они объявили капитал 8 010 р. В 1819 г. нанимали 5 крестьян «для сплавки» своей барки с грузом до Тобольска и обратно до Томска с оплатой по 90 руб. каждому.

Федор Федорович Барковский, в 1821 г. купец III гильдии, имел дом с флигелем и каменную лавку в Гостином ряду, пользуясь большим доверием местного купеческого общества, большинством голосов избирался на должности ратмана, гласного и бургомистра. В 1814–1820 гг. он два срока подряд исполнял обязанности городского головы. Общественные службы, вероятно, отвлекли Федора от торговых дел, и они пришли в упадок. В 1832 г. Барковский с семьей был исключен в мещанское общество, в этом же году умер его брат Иван. Больше фамилия Барковских в списке томских купцов не встречается [9. Л. 31; 11. Л. 52; 12. Л. 19; 14. Л. 11об.; 15. Л. 322об.; 16. Л. 173].

В 1680 г. Иван Кузьмин Закревский сообщал о себе, что «родом де он польские земли, взят на

бою под Севском», будучи сосланным в Сибирь, также отказался возвращаться в ходе обмена военнопленными в Польшу, «по грамоте был прислан в Томской при воеводе Миките Вельяминове». В 1742 г. его сын Данил нес службу в детях боярских, совместно с ним проживал его брат Илья, не верстанный в службу. В 1760 г. Данил и сын Ильи Федор принадлежали к разночинцам, приписанным к заводам. В 1781 г. Данил записался в купцы II гильдии по Томску из заводских крестьян с капиталом 1025 руб., имел кожевенный завод, доставшийся в наследство от отца, торговал рыбой, а его сын Лев вошел в это же время в купцы III гильдии, в 1786 г. – Федор Ильин также поступил в III гильдию и состоял в ней до 1812 г.. В 1786 г. о Даниле сообщалось, что он вдовец, проживает в городе со снохой Афимьей Степановой и внуками Иваном и Нестором, «а временно для заводских работ бывает и в отлучке», пропитание себе добывает, занимаясь кожевенным ремеслом.

В 1800 г. Нестор Федорович числился в капитальных посадских и занимался торговым промыслом, объявив капитал 150 р., в 1805–1812 гг. состоял в купцах III гильдии. После 1812 г. и Нестор Федорович, и Федор Ильич «имели пропитание от мещанского промысла». В числе мещан значилась и вдова Льва Закревского, второго сына Данилы Стефанова, Анна Дмитриева, которая «довольствовалась домашним рукоделием» [9. Л. 33; 11. Л. 83; 12. Л. 12; 13. Л. 85; 14. Л. 9–10об.; 15. Л. 327; 16. Л. 177об., 295об.].

О предках купца Луки Григорьевича Коломыльцева известно, что его прадед Иван Коломыльцев был родом «литовские породы и выехал к Москве на государево имя». Дед и отец Луки Григорьевича несли службу в пеших казаках, в 1742 г. Григорий Коломыльцев значился в отставных казаках. В купцах III гильдии Лука Коломыльцев состоял с 1781 по 1786 г., поступив в купечество из заводских крестьян с капиталом в 600 р. Позднее в купцах состоял его сын Федор (до 1812 г.). Он владел одним из трех каменных зданий, имевшихся в это время в Томске, капитал вкладывал в мыловаренный завод, расположенный рядом с домом. В 1804 г. городские власти запретили иметь в городе при домах заводы, в связи с этим Федор перевел свой завод за город [9. Л. 135; 11. Л. 72; 12. Л. 15; 14. Л. 11; 15. Л. 376].

Любопытно рассмотреть экономическую деятельность потомков казенного бронника Ивана Скворцова. В 1760 г. его внук Петр и правнуки Осип, Семен и Яков состояли в разночинцах. В 1786 г. Яков поступил из заводских крестьян в купцы III гильдии с капиталом 1020 руб., Осип

числился в заводских крестьянах и занимался кузнечным ремеслом, этим же способом зарабатывал в 1800 г. на жизнь Алексей Семенович Скворцов, числившийся в бескапитальных посадских. Купеческая деятельность Якова состояла, преимущественно, в перепродаже российских товаров, а вот другие потомки Ивана Скворцова не изменили по сути характера деятельности на протяжении целого столетия [10. Л. 313об.; 11. Л. 26; 12. Л. 14об.; 13. Л. 17; 15. Л. 336об.; 16. Л. 200об.].

Василий Анофриев Канаев в конце XVII в. сообщил о себе, что его отец служил в стрельцах в Москве, а по указу был прислан в Томск, когда сам Василий был «в малых летех». Он был поверстан в конную службу, его сын Григорий в начале XVIII в. состоял в казацких детях, а два внука, Петр и Федор, позднее были отнесены к разночинцам. В купцы III гильдии из заводских крестьян с капиталом в 510 р. в 1781 г. поступил Дмитрий Петрович Канаев, в 1780 г. он же был сборщиком подушных денег с заводских крестьян, в 1786 г. его капитал увеличился до 1010 руб., в цехе плотничного ремесла в этот период состоял другой сын Петра Яков. После смерти Дмитрия все движимое и недвижимое имущество перешло по наследству к его сыну Гаврилу, он стал распорядителем родительского капитала. В 1806 г. Гаврила Дмитриевич записался в купцы III гильдии с объявлением капитала 2 000 руб., но уже в 1807 г. перешел в мещанское сословие [9. Л. 60; 10. Л. 344об.; 12. Л. 20; 14. Л. 9; 15. Л. 328об.; 16. Л. 181, 252].

А.Н. Жеравина отмечает, что в пределах кабинетского хозяйства власти придерживались правила: «Жителей без особливого повеления ни в какие другие команды не увольнять». Для оказавшихся в числе заводских крестьян чрезвычайно затруднен был переход в другие сословия. Горно-заводские власти сталкивались с просьбами приписных крестьян о переводе их в купеческое сословие. В случае положительного решения вопроса они в течение многих лет не исключались из крестьянского оклада, платя при этом процент с капитала. В стремлении части крестьян записаться в купцы Кабинет усматривал их желание избавиться от крестьянских податей и намерение при том «гораздо менее платить с капитала, нежели ныне от исправления государственных податей, земских повинностей и заводских работ» [17. С. 78–79].

Следует отметить, что детальное изучение и реконструкция биографий купцов – потомков служилых людей, – вышедших в купцы из заводских крестьян, показывает, что это были заводские крестьяне, проживавшие непосредственно в городе Томске.

Не случайна формулировка, содержащаяся в документах, посвященных причислению приписных крестьян к купеческому сословию – «из томских заводских крестьян». Такое стало возможным, так как в 1760 г. 2264 д.м.п. государственных крестьян Томска были приписаны к Колывано-Воскресенским заводам [14. Л. 7, 10; 18. С. 85].

В 1781 г. томские заводские крестьяне обращались с просьбой к магистрату «живущих в городе крестьян определить в купечество и цехи, а находящихся ближе к заводам в селах и деревнях посацких, именуемых ныне мещане во крестьяне переименовать в пребывании каждому при своих выгодах без переселения». Заводской крестьянин Василий Вершинин «с товарищи» объяснял свою просьбу тем, что, находясь в приписных крестьянах, они «при городе производить торговлю и промыслы никак не осмеливаются», несмотря на то, что «они и предки их сиздавна в Томске», торговлей, рукоделием и промыслами занимаются «сиздревле». Но «по недопущению их в городе к торгам, промыслам и разным рукоделиям лишиться могут со временем своего продовольствия и остаться без пользы, то есть ... граждан и сельским жителям огорчением» [19. Л. 2–3об.].

В 1786 г. из сельской местности были определены в купцы три приписных крестьянина. Это Михаил Федорович Балахнин, Иван Осипович Вершинин и Григорий Федорович Протопопов. В 1720 г. конный казак Федор Иванов Балахнин проживал в с. Кулаково Сосновского стана. Вместе с ним жил его старший брат Иван, жена Матрена и сын Федор, которому к этому времени исполнилось полгода. Федор владел пашенной заимкой размером 20 десятин, из них обрабатывалось только 2 десятины. Михаил Федорович Балахнин родился в 1732 г., прошение о причислении к купцам было подано в феврале 1782 г. В нем говорилось, что «он имеет 50 лет от роду и за неимением детей по одиночеству и одержимый ручной болезнью хлебопашества производить не в силах, к тому ж в селе Кулаково родственников никого не имеет, а имеет оных в г. Томске, куда намерен переселиться», и желает «производить торг и быть по г. Томску в купечестве с протчими наряду и с капитала платить в казну процентные денги, также и по выключке до будущей ревизии из крестьянства положенную крестьянскую подать и располагаемые заводские работы исправлять собственным своим коштом беспрепятственно».

Зачисление в купцы происходило при условии, что Михаил Балахнин будет платить дополнительно подушный оклад за две души – своего умершего отца Федора и Афанасия Барабанова,

взятого в рекруты, а в случае рекрутских наборов, «то и рекрутские денги по расположению за них ему Балахнину платить беспрепятственно, против чего оной крестьянин Балахнин данною подпискою объявил, что он как за себя, так и за отчисленные души кроме заводских работ и других случившихся каких либо исправлений и тягостей подушные и ... рекруцкие складочные денги сверх следуемых по купечеству капиталов процентных денег до будущей ревизии платить обязуется». На деле стояла резолюция следующего содержания: «А буде вышеозначенное исправлять не обяжется то ему от записи в купечество отказать и велеть по-прежнему быть во крестьянах» [14. Л. 1об; 15. Л. 323; 21. Л. 228об.].

Таким образом, до проведения следующей ревизии крестьянин, записавшийся в купцы, подлежал двойному налогообложению – как приписной крестьянин и как купец, отказ от выплаты денежных сумм, которые он обязан был уплачивать как заводской крестьянин, возвращал его в прежнее состояние, только собственная инициатива и удовлетворительное состояние торговых дел позволяли крестьянину изменить род занятий, переехать в город.

В 1781 г. прошение о переводе в купцы подал Григорий Федорович Протопопов. В результате ряда подобных просьб, исходивших от заводских крестьян, в «силу присланных из областного магистрата в томский городской магистрат указов Е.И.В.» от 26 февраля и 10 марта 1781 г., а также от 18 февраля 1782 г. было велено 69 душ заводских крестьян «поместить по объявленным капиталам в здешнее купечество, но со взятием с них подписок, чтобы оные до будущей ревизии крестьянский оклад платили так равно ... заводские работы по мирским раскладам и все требующиеся по крестьянству мирские тягости по нарядам исправляли без всяких оговорок».

В июне 1781 г. в томский городской магистрат от записавшихся из заводских крестьян в купцы Осипа Тузовского с товарищами было подано прошение, в котором говорилось, что «по силе указа Правительствующего Сената 1777 г. июля 25 числа отчислены мы именованные в купечество со исправлением до ревизии по прежнему званию крестьянского оклада». Суть жалобы состояла в том, что на 1781 г. «по налаженной раскладке заводские крестьяне чрез меру нас отягощают излишеством, что на каждого из нас за умерших, посторонних убылые души подушных денег в прибавок еще в разные времена к заводам работы по 3, по 5, по 6 и по 10 душ». В прошении говорилось о том, что «во все места время сработать не доста-

нет того ради томский городской магистрат покорно просим о сложении излишнего наложения тягостей кроме погодно одинаковой работы» [19. Л. 21, 72–75].

На купцах, вышедших из приписных крестьян, лежал двойной гнет повинностей. Увеличение в 1785 г. минимального размера капитала, необходимого для вступления в гильдейское купечество, привело к тому, что не все купцы из заводских крестьян смогли удержать свой статус. В данном случае показателен пример Стефана (Степана) Ильина Галактионова, который в 1781 г. состоял в купцах III гильдии с капиталом 1600 р. В 1786 г. он был отчислен из купечества, состоял в заводских крестьянах, жил на подворье умершего казака Алексея Ильина Галактионова, «питался рыбным промыслом», временно «для заводских работ бывал и в отлучке». Его дед Дементий Галактионов «родом важенин» пришел «в Томской во младых летех и поверстан в Томском в пешую казачью службу». И если один внук состоял в казачьей службе, то второй за свою жизнь побывал в статусе разночинца, заводского крестьянина, купца, возвратившись опять на положение заводского крестьянина [9. Л. 166; 11. Л. 74; 12. Л. 160б; 14. Л. 11; 15. Л. 596–597].

Как было показано выше, большинство потомков служилых людей, вошедших в третью гильдию, в начале XIX в. выбывали из нее в мещанство, что было связано, прежде всего, с увеличением имущественного ценза для записи в гильдии и гильдейского сбора. Пофамильное сравнение гильдейцев за разные годы позволило выявить высокую подвижность их состава. В середине XIX в. состав томичей-гильдейцев был иным, нежели в конце XVIII в. Купеческих династий, продолжавших свою родословную с XVIII в. и унаследовавших профессиональные занятия своих предков, было немного.

Отсутствие крепкой экономической основы – постоянного и гарантированного источника доходов (как, например, у дворян – земли) – приводило к систематическому вымыванию из купеческих рядов наиболее неустойчивых элементов и к ежегодному обновлению состава. Чаще всего выбывающие из

купечества переходили в мещанское сословие. Хотя купцы I и II гильдий располагали значительными капиталами и вели крупные торговые операции, им непросто было удержаться в своем статусе. В целом мобильность была столь высока, что процент детей и внуков, наследовавших статус отцов и дедов, был незначителен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Люцидарская А.А. Рыночные отношения как составляющая системы жизнеобеспечения региона (по материалам томских таможенных книг XVII в.) // Таможенные книги сибирских городов XVII в. Томск, Нарым, Березов. Новосибирск, 2004. Вып. 6.
2. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984.
3. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории сибирской буржуазии. Томск, 1996.
4. Вилков О.Н. Динамика изменений в сословном и численном составе населения Кузнецка со времени основания до 1870-х гг. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3.
5. Грамота на права и выгоды городам Российской империи: указ от 21 апр. 1785 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XX. № 16187.
6. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999.
7. Булыгин Ю.С. Приписка к Колывано-Воскресенским заводам крестьян и разночинцев Кузнецкого и Томского уездов в 1759 г. // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998.
8. Чурсина А.А. Социальное происхождение купцов первой и второй гильдий г. Томска в конце XVIII в. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XXI в. Томск, 2012. Вып. 4.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 698.
10. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1371.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 13.
12. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 28.
13. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 56.
14. ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 28.
15. ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 705.
16. ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2029.
17. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005.
18. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.
19. ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 212.
20. ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а.
21. Государственный архив Алтайского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308.